

*Д.Ю. Бовыкин**

«ОХВОСТЬЕ РОБЕСПЬЕРА»

В центре внимания автора статьи политическая борьба, развернувшаяся в Национальном Конвенте в первые месяцы после переворота 9 термидора. Среди депутатов сложно выделить в это время четко прослеживаемые политические группировки: свержение Робеспьера поддержали люди, имевшие принципиально разные взгляды на дальнейшее развитие страны. Часть из них стремилась как можно быстрее отменить временный революционный порядок управления и закончить Революцию, часть выступала за сохранение идеалов времен диктатуры монтаньяров, но без Робеспьера и его соратников, часть же стремилась, в первую очередь, отомстить робеспьеристам. Были и те, кто ставил своей главной целью передел власти. Некогда всемогущие члены Комитета общественного спасения и Комитета общей безопасности планировали оставаться у власти и дальше, согласившись лишь на косметические изменения политической системы и отменив только те террористические законы, которые подвергали опасности депутатов Конвента. Однако их планам не суждено было сбыться. Они оказались не способны контролировать начавшиеся реформы и найти адекватный ответ на всеобщее стремление к обновлению. Начавшийся демонтаж системы Террора повлек за собой коренные преобразования и политической системы. Исследование дает ответ на вопрос, каков был механизм утраты членами Великих комитетов власти, которая казалась незыблемой и не подвергалась сомнению, каким образом они из организаторов переворота 9 термидора за несколько месяцев превратились в «охвостье Робеспьера» и лишились политического влияния.

Ключевые слова: Французская революция, Комитет общественного спасения, Комитет общей безопасности, Термидор

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-18-00226.

* *Дмитрий Юрьевич Бовыкин, доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, bovykin@hist.msu.ru.*

Dmitry Bovykin, Dr. Hab. (History), Senior lecturer, Moscow State University; Leading Researcher of the State academic university for the humanities, bovykin@hist.msu.ru.

Цитирование: Бовыкин Д.Ю. «Охвостье Робеспьера». DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-68-94 // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 68-94.

Поступила в редакцию 01.07.2020

Принята к печати 17.07.2020

Dmitry Bovykin

«THE TAIL OF ROBESPIERRE»

The author focuses on the political struggle that was well under way in the National Convention during the first months after 9 Thermidor. Although it is difficult to distinguish clearly visible political groups among the deputies at this time, the overthrow of Robespierre was supported by people who had fundamentally different views on the further development of the state. Some of them wanted to abolish the temporary revolutionary order of government as quickly as possible and end the Revolution, some of them were in favor of preserving the ideals of the Montagnard dictatorship, but without Robespierre and his associates, and some of them wanted, first of all, to take revenge on the robespierristes. There were also those who set their main goal to redistribute power. The once all-powerful members of the Committee of Public Safety and the Committee of General Security planned to remain in power, agreeing only to cosmetic changes in the political system and abolishing only those terrorist laws that endangered the deputies of the Convention. However, their plans were not fated to come true. They were unable to control the ongoing reforms and find an adequate response to the general desire for renewal. The beginning of the dismantling of the system of Terror led to radical changes in the political system. The study gives an answer to the question what was the mechanism for the loss of power by the members of the Great committees, which seemed firm and was not questioned, how in a few months from the organizers of the coup de Thermidor they turned into the "tail of Robespierre" and lost political influence.

Keywords: French revolution, Committee of Public Safety, Committee of General Security, Thermidor

Acknowledgements

The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant 18-18-00226.

For citation: Bovykin D.Yu. (2020). «The tail of Robespierre» [Ohvost'e Robesp'era] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-68-94. *Annual of French Studies 2020*. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 68-94.

Submitted: 01.07.2020

Accepted: 17.07.2020

В многочисленных французских сборниках цитат на все случаи жизни Наполеону часто приписывается следующая фраза: «В революциях участвуют два типа людей: те, кто их делает, и те, кто извлекает из них выгоду». Хотя, скорее всего, этих слов он никогда не произносил, в них есть своеобразная «народная мудрость». По крайней мере, именно так развивались события после переворота 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.).

Мы, вероятно, так никогда точно не узнаем, кто из депутатов входил в число его основных организаторов. Однако нет сомнений, что без активного участия членов главных комитетов Национального Конвента – Комитетов общественного спасения и общей безопасности – этот переворот имел мало шансов на успех.

Первым из них в этот день выступил Жак-Николя Бийо-Варенн – сразу за Ж.-Л. Тальеном, прервавшим речь Л.-А. Сен-Жюста. Адвокат, еще до Революции сотрудничавший с Ж.Ж. Дантоном, член Парижской Коммуны 10 августа 1792 г., якобинец, монтаньяр и цареубийца, Бийо-Варенн вошел в Комитет общественного спасения 6 сентября 1793 г., на следующий день после избрания председателем Национального Конвента. Теснее всего он общался там со своим другом, Жаном-Мари Колло д'Эрбуа, актером и популярным драматургом, ставшим членом Комитета в тот же день, что и Бийо. Со времени свержения монархии их пути во многом были схожи: Колло также побывал членом Парижской Коммуны, сидел на скамьях монтаньяров, входил в Якобинский клуб, голосовал за казнь короля.

В мемуарах Л. Карно рассказывается, что инициатором их включения в состав Комитета общественного спасения был еще один его член, К.-А. Приёр (из Кот-д'Ор), якобы заметивший: «В Конвенте есть депутаты, которые не перестают нас критиковать, поскольку понятия не имеют, что происходит у нас внутри [Комитета]. Среди них выделяются Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа, они поносят, особенно у якобинцев, все наши решения. Вот мы и говорим друг другу: есть только один способ заставить их замол-

чать – это включить в наши ряды»¹. В Комитете они занимались в основном перепиской с комиссарами, местными властями и народными обществами. Как полагал Роберт Палмер, «попав в правительство, эти двое, дышавшие огнем и разрушениями, не преуспевшие до революции в своих частных делах, продемонстрировали удивительные способности к постоянному и усердному труду, <...> чаще присутствовали и больше занимались рутинными делами, чем другие их коллеги, кроме Карно и Барера»². Оба считались «левыми» даже для монтаньяров и поначалу поддерживали эбертистов. «Бийо и Колло привносили в заседания Комитета дикое неистовство. Рядом с ними Робеспьер и Кутон казались людьми осторожными, а остальные, кроме Сен-Жюста, на контрасте – практически виновными в умеренности»³.

Однако между друзьями было и немало различий: если Бийо-Варенн считался человеком спокойным и умевшим держать себя в руках, то Колло д'Эрбуа славился своей пылкостью⁴. Оба в роли комиссаров Конвента боролись с теми, кого считали врагами Революции, однако Колло был в этой борьбе значительно более активным: вместе с Ж. Фуше и другими коллегами в Лионе он казнил участников мятежа десятками и сотнями⁵.

9 термидора Бийо-Варенн сделал то, чего не сделал Тальен: прямо обвинил Максимилиана Робеспьера, Сен-Жюста и ряд других робеспьеристов⁶. И когда Робеспьер захотел ему ответить, депутаты Конвента призвали на трибуну другого члена Комитета общественного спасения – Бертрана Барера.

Адвокат, при Старом порядке член ряда литературных академий, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, основатель популярной в первые годы Революции газеты *Le Point du jour*, ко II году Республики Барер был широко известен на национальном уровне. В Конвенте он изначально сидел на скамьях Равнины, хотя и голосовал за казнь короля. Вплоть до переворота 31 мая – 2 июня Барер не примыкал ни к жирондистам, ни к

¹ Mémoires sur Carnot par son fils. P., 1861. Vol. 1. P. 346. Впрочем, как и следует из названия, эти мемуары были написаны сыном Л. Карно по его бумагам.

² Palmer R.R. Twelve who ruled. The Year of the Terror in the French Revolution. Princeton, 1973. P. 55.

³ Ibid. P. 59.

⁴ Kuscinski A. Dictionnaire des conventionnels. Brueil-en-Vexin, 1973. P. 57.

⁵ Подробнее см.: Biard M. Collot d'Herbois. Légendes noires et Révolution. Lyon, 2019. Ch. III. « La ville de Lyon sera détruite ».

⁶ Réimpression de l'ancien Moniteur (далее – Moniteur). P., 1841. Vol. 21. P. 332.

монтаньярам, и 7 апреля был избран в Комитет общественного спасения, набрав больше голосов, чем другие кандидаты. Более того, он единственный из членов Комитета получил большинство голосов депутатов Конвента⁷. На новом посту он занимался различными проблемами: вопросами обороны и безопасности, морскими делами и внешней политикой, народным образованием, музеями и театрами. Фактически, по значимости он был вторым человеком в правительстве после Робеспьера⁸. Один из историков писал о нем: «Необычайные способности Барера, которому ничто не было чуждо, приводили в замешательство. Рукопись “Новой Элоизы” занимала его в той же мере, что и производство оружия в Медоне. Та же рука, что вносила поправки в декрет о свободе культов, составляла проект мобилизации сапожников. Договоры, флот, порох, перевозки, таблицы максимума, – всем занимался этот человек»⁹.

В годы диктатуры Барер активно поддерживал доминировавшую в Конвенте группировку, однако едва ли можно сказать, что он стал настоящим монтаньяром. Прекрасный оратор, знавший как угодить аудитории и великолепно ее чувствовавший, он часто выступал с речами от имени Комитета общественного спасения по самым разным сюжетам – и о положении дел в стране, и о преподавании французского языка, и об учреждении Марсовой школы. Однако больше всего он был известен докладами о победах армий Революции. Стоило только Бареру направиться к трибуне, зал зачастую взрывался аплодисментами: именно Барер ассоциировался с хорошими новостями с фронтов¹⁰. Рассказывали даже, что солдаты шли в бой с криком: «Барера на трибуну!»¹¹

9 термидора Конвент ждал подсказок, как ему действовать, но речь Барера, хотя и явно была подготовлена заранее, мало помогла в этом депутатам. Барер говорил и о расколе Конвента, и о значении Комитетов общественного спасения и общей безопасности, и о необходимости реорганизации национальной гвардии, но, в отличие от Бийо-Варенна, не назвал никого поименно. Человек крайне осторожный, он позволил себе лишь туманные намеки: «на пра-

⁷ *Palmer R.R.* Op. cit. P. 31.

⁸ *Ibid.* P. 109; *Kuscinski A.* Op. cit. P. 26.

⁹ *Pouchet G.* Les sciences pendant la terreur. P., 1896. P. 57.

¹⁰ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 26.

¹¹ *Mémoires de B. Barère, membre de la Constituante, de la Convention, du Comité de Salut public et de la Chambre des représentants.* P., 1842. Vol. 2. P. 133.

вительство напали, его членов не одобряют и оскорбляют», «хотят уничтожить всех чистых и истинных республиканцев», «необходимо высказаться в адрес многих из тех, кто занимает высокие должности», «два комитета опровергнут, столь же ясно, сколь и энергично, касающиеся их факты из речей Робеспьера»¹².

Вслед за ним слово взял Марк-Гийом-Алексис Вадье – один из самых влиятельных членов Комитета общей безопасности. Старше многих других своих коллег (во время переворота ему было 58 лет, тогда как Бийо-Варенну – 38), он успел послужить в армии и принять участие в Семилетней войне, получить юридическое образование и поработать на нескольких должностях в этой сфере. С началом Революции Вадье был избран депутатом Генеральных штатов от третьего сословия, а затем и Национального Конвента. Цареубийца, он вошел в Комитет общей безопасности 14 сентября 1793 г. и проявил немалое рвение в преследовании сограждан.

9 термидора именно выступление Вадье во многом переломило ход дебатов. Доклад Барера оказался слишком «беззубым»: по сути, он не поддержал обвинений Бийо-Варенна, переключив внимание на командование национальной гвардией. Вадье же в глаза назвал Робеспьера тираном, обвинил его в слежке за депутатами и стремлении вызвать раскол среди правительственных комитетов¹³. После этого члены Конвента стали один за другим выходить на трибуну, требуя ареста и самого Робеспьера, и его соратников. Бийо-Варенн обвинил Ж. Кутона¹⁴, Эли Лакост, еще один член Комитета общей безопасности, – Огюстена Робеспьера¹⁵. Монтаньяр и цареубийца, Лакост был в эти дни председателем Якобинского клуба. После принятия декрета об аресте обоих Робеспьеров, Сен-Жюста, Кутона и Ф. Леба занимавший в тот день кресло председателя Конвента Колло д'Эрбуа, произнес большую речь. Как и доклад Барера, она производит впечатление подготовленной заранее. В этой речи Колло подвел первые итоги переворота и перечислил основные «преступления» робеспьеристов¹⁶.

Переворот публично поддержали еще два члена Комитета общей безопасности. Жан-Пьер-Андре Амар и Жан-Анри Вулан.

¹² Moniteur. Vol. 21. P. 333-334.

¹³ Moniteur. Vol. 21. P. 334.

¹⁴ Ibid. P. 335.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 337-338.

Оба юристы, монтаньяры и цареубийцы. Вулан считался более умеренным, Амар же был активным проводником политики Тераора во время пребывания в миссиях и приобрел широкую известность благодаря максимально жесткой позиции в отношении жирондистов и тех членов Конвента, которые протестовали против переворота 31 мая – 2 июня. Амару также приписывали слова, якобы сказанные им по поводу «потоплений» Ж.-Б. Каррье в Нанте: «Что ж, мы будем есть более жирный лосось из Луары»¹⁷.

В этот и последующие дни члены правительственных комитетов не раз выступали с трибуны Национального Конвента. Так, Барер сообщал коллегам о том, как развиваются события¹⁸, Вулан и Лакост принесли весть об освобождении Робеспьера и его соратников из тюрем и предложили объявить их вне закона¹⁹. Уже после победы переворота тот же Лакост 11 термидора выдвинул идею упразднить Революционный трибунал²⁰. В тот же день Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа и еще один участник событий 9 термидора, мясник Л. Лежандр, пришли в Якобинский клуб, чтобы рассказать об итогах только что произошедшей новой «революции»²¹. Их визит являлся своеобразным реваншем: ранее, 8 термидора, когда Бийо и Колло захотели выступить после направленной против них речи Робеспьера, большая часть членов Якобинского клуба не дала им говорить, крича: «Заговорщиков на гильотину!»²² На сей же раз их внимательно выслушали.

Таким образом, в первые дни после переворота и инициатива, и власть оставались в руках тех же людей, кто и до того времени стоял во главе республики. Не стало лишь Робеспьера и его соратников. В выступлениях членов правительства постоянно звучала одна и та же тема: робеспьеристы противопоставили себя Комитетам, они составляли в них лишь меньшинство, стремившееся поработить большинство. Из людей, вместе с Робеспьером навязывавших свою волю Конвенту в течение многих месяцев, члены Комитетов превращались в таких же пострадавших от «диктато-

¹⁷ *Robinet (Docteur)*. Notes et souvenirs de Courtois de l'Aube // La Révolution française. Janvier-juin 1887. T. 12. P. 938.

¹⁸ *Moniteur*. Vol. 21. P. 340-341, 345-348.

¹⁹ *Ibid.* P. 340, 341.

²⁰ *Ibid.* P. 355.

²¹ *La Société des Jacobins : recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris* par F.-A. Aulard. P., 1897. Vol. 6. P. 295-300. Séance du 11 thermidor an II.

²² *Ibid.* P. 284. Séance du 8 thermidor an II.

ра» и «тирана», как и их коллеги. Особенно ярко эти мысли прозвучали в докладе Барера 10 термидора:

«Одному человеку не удалось расколоть наше отечество, одному человеку не удалось разжечь огонь гражданской войны и погубить свободу, поскольку она не способна ни погубить себя, ни померкнуть. <...> Когда один человек сосредотачивает в своих руках и влияние на Клубы, и революционную судебную власть, и военную власть, нет более достаточных противовесов, чтобы национальное представительство оставалось свободным...»²³

11 термидора в речи того же Барера, произнесенной на сей раз от имени Комитета общественного спасения, звучит и другая мысль – робеспьеристы даже не были частью правительства:

«Заговорщики ничего не сделали ни для организации, ни для работы правительства – вот тот факт, которого слишком многие граждане не знают. Гордясь своей репутацией патриотов, они с пренебрежением относились к реально работающим, презирали их непонятную деятельность... <...> Сен-Жюст и Робеспьер были далеки от непрерывных ежедневных трудов, которые, собственно, и позволяют незаметно управлять государством; они считали, что мы слишком заурядны, чтобы спасать отечество шаг за шагом (*en detail*). Они закрепили за собой притязания на управления государством и удовольствие от этого, они лишь частично осуществляли надзор за общей полицией, которую сами же и организовали... <...> И революционное правительство, и исполнительные комиссии были созданы даже вопреки их воле...»²⁴

Барер хотел навести коллег на мысль о том, что теперь, после исключения робеспьеристов из Великих комитетов²⁵, последние смогут заработать в полную силу. Однако его замысел провалился. В тот же день он предложил заменить в Комитете общественного спасения трех выбывших робеспьеристов и назвал кандидатуры тех, кто должен был занять их места. Привыкнув к тому, что Конвент послушно идет за Комитетами, Барер явно не ожидал сопротивления, однако в ответ разразилась буря.

А.-К. Мерлен (из Тионвиля), вызывавший у Робеспьера острую неприязнь и ставший одним из активнейших термидорианцев, по-

²³ Moniteur. Vol. 21. P. 345.

²⁴ Ibid. P. 359.

²⁵ Grands comités и современники, и историки зачастую называли Комитеты общественного спасения и общей безопасности 1793-1794 гг.

требовал, чтобы кандидатуры называл не сам Комитет, а обсуждал весь Конвент²⁶. К тому же Бареру напомнили, что в Комитете есть еще одна вакансия – на место М.-Ж. Эро де Сешеля, казненного в апреле. Неловкая попытка Бийо-Варенна объяснить, что Эро де Сешеля не замещали, поскольку «не хотели еще более увеличивать число заговорщиков внутри Комитета», понимания у коллег не встретила, и они обвинили Бийо в оскорблении Конвента.

Снежный ком продолжал катиться, превращаясь в лавину: на трибуну вышел С.-Л.-М. Фрерон. Он был одним из организаторов переворота 9 термидора, а после него стал прочно ассоциироваться с бандами терроризировавшей санкюлотов «золотой молодежи». Воспользовавшись словами Бийо, он заявил, что тирании Робеспьера можно было бы и противостоять, если бы все члены Комитета общественного спасения находились на своем посту, и предложил исключить из него под этим предлогом К.-А. Приёра (из Марны) и А. Жанбона Сент-Андре, находившихся с миссиями соответственно в Бресте и Тулоне. Тем самым в его устах Барер, Бийо и Колло из спасителей отечества превращались в людей, которые сами же, из-за политических амбиций, позволили робеспьристам угнетать Конвент.

Барер попытался вернуть контроль над Конвентом. Он объяснил слова Бийо-Варенна тем, что противники Робеспьера не могли быть уверены, чью сторону примет депутат, введенный вместо Эро де Сешеля. К тому же он напомнил, что именно «член правительства» Бийо и стал первым, кто «сорвал с тирана маску патриота». Вероятно, Барер хотел подчеркнуть, что Комитет настолько держал все под контролем, что способен был устранить Робеспьера и без посторонней помощи. Однако Бареру тут же возразили, что первым против Робеспьера свой голос поднял Тальен. Когда же Барер попытался объяснить, что члены Комитета могут быть полезны, даже находясь в миссиях, то в ответ услышал, что в будущем это может позволить очередному тирану удалить под таким предлогом из Парижа своих противников.

Сопrotивление Барера только распаяло депутатов. П.-Ж. Камбон, специалист по финансам и ярый противник Робеспьера, тоже сыгравший большую роль в перевороте, предложил и вовсе поме-

²⁶ Мерлен много времени проводил в миссиях на фронтах и в Конвенте выступал достаточно редко. А. Матьез даже подозревает, что речь ему написали и уговорили выйти на трибуну другие депутаты-дантонисты. В любом случае, на его взгляд, вся эта атака не была импровизацией. – *Mathiez A. La réaction thermidorienne*. P., 2010. P. 68.

нять всю систему управления страной. Он привлек внимание коллег к тому, что часть депутатов ни в чем не задействована, а часть, напротив, днюет и ночует над бумагами. Формально в его выступлении не было ничего, кроме демонстрации уважения к членам Комитета общественного спасения. Он даже призывал не торопиться с реформой, однако всем был понятен скрытый подтекст его слов – необходимость изменения системы власти.

Развивая его мысль, Тальен тут же заявил: «Мы свергли триумвиров, мы не хотим заменять их децемвирами!» и потребовал, чтобы Комитеты обновлялись на четверть каждые три месяца. Бареру пришлось это предложение поддержать под предлогом того, что многие члены Комитета общественного спасения устали и им хорошо было бы предоставить возможность отдохнуть²⁷. 14 термидора по его докладу был принят соответствующий декрет²⁸.

Так, совершенно неожиданно для членов правительства, из двенадцати депутатов, входивших в Комитет общественного спасения при Робеспьере, осталось лишь шесть, из которых только трое были готовы действовать сообща. При этом, поскольку Конвент не поддержал названные Баррасом кандидатуры, одним из вновь избранных был ненавидевший Комитет Тальен, а трое – бывшие дантонисты, не готовые простить казнь Дантона.

13 термидора были заменены также три члена Комитета общей безопасности. Обвинения в их адрес были довольно невнятные, кроме того, что все трое отсутствовали 9 термидора: знаменитого художника Ж.-Л. Давида назвали «продавшимся Робеспьеру», Г.-М. Жаго (*Jagot*) заклеили как эбертиста и робеспьериста, Л.-Т. Лавикомтери (*Lavicomterie*) отдельных упреков не удостоили²⁹.

В «Мемуарах» Барер интерпретирует этот процесс как стремление победителей свести счеты и самим войти во власть вместо того, чтобы забыть прошлое и начать всё с чистого листа:

«Все беды и все ошибки времен Террора и гражданской войны нужно было упокоить в могиле вместе с Робеспьером. Однако в Собрании были люди, обладавшие неудержимым пылом и слишком долго подавляемые, которые требовали лишь мести и реакции. К тому же девизом этих господ и тогда, и сейчас являются слова: “Уйди оттуда, куда я сам хочу попасть”»³⁰.

²⁷ Moniteur. Vol. 21. P. 361-363.

²⁸ Ibid. P. 371-372.

²⁹ Ibid. P. 366-368.

³⁰ Mémoires de B. Barère... P., 1842. Vol. 2. P. 238-239.

Члены правительственных комитетов были опытными политиками, искушенными в парламентской борьбе и революционной риторике. Чувствуя, что их позиции пошатнулись, они решили перейти в контратаку. 14 термидора Барер от имени Комитетов ответил на выступление Камбона³¹. В своем докладе он обрушился на предложение Робеспьера, чтобы Комитет общественного спасения предлагал назначения членов всех других комитетов. Впрочем, это оказалось единственным, чем комитеты были готовы поступиться. Барер предложил, чтобы Конвент имел 12 комитетов, но Комитет общественного спасения оставался главным: «Иначе у нас будет двенадцать правительств, двенадцать законодательств и федерализм мнений вместо республиканского единства». На фоне всеобщего стремления к обновлению этот отказ поделить власть был, несомненно, серьезным просчетом³². Особенно учитывая, сколь мало времени он позволил выиграть.

16 термидора (3 августа) в речи, произнесенной Барером от имени Комитета общественного спасения, прозвучала очень важная фраза: «Не революционные институты ложны, мстительны или виновны, а люди»³³. Тем самым он явно давал понять, что об уничтожении революционного порядка управления не может быть и речи, а виновных Конвент уже назвал в последовавшие за переворотом дни. Противники комитетов предпочли сделать вид, что этого не услышали. 18 термидора Камбон сообщил, что реформа будет в духе его предложений, причем комитеты будут распущены и воссозданы заново уже в другом количестве, что, очевидно, подразумевало полное их обновление. К тому же он высказался за переименование Комитета общественного спасения в Центральный комитет революционного правительства, поскольку общественное спасение – «это дело всего Конвента»³⁴. А на следующий день один из депутатов и вовсе предложил каждому члену Конвента направлять в специальный комитет свои предложения по будущей реформе управления страной³⁵. Ни та, ни другая инициатива последствий не имели, но должны были показать правительству, что оставить все как есть, ему уже не удастся.

³¹ Moniteur. Vol. 21. P. 369-372.

³² Как справедливо заметил 23 термидора один из депутатов, проект правительственных комитетов «оставлял все таким, каким оно было и до того». – Ibid. P. 457.

³³ Ibid. P. 387.

³⁴ Ibid. P. 410-412.

³⁵ Ibid. P. 416-418.

23 термидора Конвент начал дискуссию о реорганизации правительства³⁶. Депутаты выступали с развернутыми проектами, в которых ратовали за уменьшение роли Комитета общественного спасения и поддерживали его переименование. Мало удивительного в том, что после многодневных обвинений робеспьеристов в узурпации власти, члены Конвента захотели сделать так, чтобы власть эта в принципе не могла быть сконцентрирована в одних руках. Как подчеркнул Т. Берлье, незаметный монтаньяр, большую часть времени проводивший в миссиях: «Я, без сомнения, полностью доверяю членам этого комитета, однако гарантии конкретных людей никогда не стоят больше, чем следует из самой сути института. Следовательно, мы должны распылить его власть»³⁷.

Контратака комитетов окончательно захлебнулась 24 термидора (11 августа), когда депутаты продолжили обсуждение реформы³⁸ и создали специальную комиссию из членов нескольких комитетов для подготовки сводного проекта. В этот день Барер попытался окончательно расставить точки над *i*:

«Нас спасло революционное правительство; плуты, интриганы боятся только революционного правительства. Следовательно, именно с этим фундаментом, с правительством, ускоряющим движение наших армий, сохраняющим наши победы, и нужно все соотносить. <...> Я не сказал, что хотя бы один член Конвента против революционного правительства. Я обращаюсь к Собранию, а не к страстям человеческим. Я потребовал, чтобы, прежде чем мы будем продолжать наши искания, был заложен фундамент. Так договоримся же, провозгласим же все разом, что мы хотим [сохранения] революционного правительства! (Да, да! – кричат все депутаты, вставая и в едином порыве подбрасывая в воздух шляпы. – Да, да, мы все его хотим! Продолжительные аплодисменты)»³⁹.

Казалось, это был триумф. Но сразу же после этого Бареру впервые не дали договорить. Стоило ему возразить одному из коллег, что правительство, организованное на аристократический манер, справедливым не будет, Мерлен (из Тионвиля) выкрикнул: «Твое-то тоже таким не будет, председатель фельянов!»⁴⁰. Другой

³⁶ Ibid. P. 452 et ss.

³⁷ Ibid. P. 457.

³⁸ Ibid. P. 472 et ss.

³⁹ Ibid. P. 476.

⁴⁰ То, что Барер в свое время председательствовал в Клубе фельянов, в 1794 г., конечно, воспринималось весьма двусмысленно. И еще до переворота членство у фельянов Бареру

депутат, монтаньяр Д. Тирион ехидно заметил: «Хорошо ему называть нас аристократами, ему, который сделался якобинцем, благодаря Робеспьеру и Кутону». Когда же Барер заявил, что, «если и были злоупотребления, то потому, что существуют люди и страсти, робеспьеры и сен-жюсты», тот же Тирион выкрикнул с места: «А также их сторонники!» Барер тут же нашелся: «Их сторонники – это не те, кто полтора месяца вел тайную борьбу, чтобы сорвать маску с тирана». Но тут вмешался Л. Лекуантр, позиционировавший себя как едва ли не главного организатора 9 термидора⁴¹: «И кто еще накануне пел ему дифирамбы!». Бареру пришлось сойти с трибуны⁴².

25 термидора уже Вадье, оправдываясь за ряд ошибок Комитета общей безопасности при освобождении заключенных, вновь возвращается к вопросу об управлении страной: «Без сомнений никому из наших коллег и в голову не приходит ослабить революционное правительство!» Как значится далее в отчете о заседании: «”Нет, нет!” – закричали со всех сторон члены [Конвента], вставая»⁴³. В тот же день Амар призвал депутатов к примирению: «Мы вышли из бурь: остерегайтесь же затевать новые!»⁴⁴

Члены правительства удивительным образом повторяли судьбу Робеспьера. Вместо того, чтобы маневрировать и искать союзников, они погрузились в странную апатию. Если не считать первых нескольких дней после переворота, Барер по-прежнему докладывал об успехах армий⁴⁵, о положении дел в колониях⁴⁶, зачитывал письма, выступал по текущим делам, но ни одной программной речи так и не произнес. Остальные и вовсе молчали, лишь Лакост и Амар несколько раз выходили на трибуну, чтобы высказаться по вопросам, связанным с деятельностью Комитета общей безопасности. Похоже было, что, как и Робеспьер, члены Комитетов оказались парализованы внезапным падением популярности.

припоминали в Якобинском клубе. См., например: *La Société des Jacobins*. Vol. VI. P. 49. Séance du 16 germinal an II.

⁴¹ *Lecoindre L.* Conjuración formée dès le 5 préreal par neuf représentans du peuple contre Maximilien Robespierre pour le poignarder en plein Sénat. S.l., s.d. [1795]

⁴² *Archives parlementaires de 1787 à 1860. 1ère série (1787-1799)* (далее – АР). P., 1985. Т. 94. P. 497. Любопытно, что все эти реплики в отчет, опубликованный в проправительственном *Moniteur*, не вошли, по нему в принципе нельзя догадаться, что Бареру не дали договорить. – *Moniteur*. Vol. 21. P. 476.

⁴³ *Moniteur*. Vol. 21. P. 484.

⁴⁴ *Ibid.* P. 488.

⁴⁵ *Moniteur*. Vol. 21. P. 380, 462-463, 482-484.

⁴⁶ *Ibid.* P. 418.

29 термидора (16 августа) от имени созданной Конвентом комиссии Берлье предложил окончательный проект реорганизации правительства⁴⁷. Прения были очень короткими, ни один из членов Великих комитетов участия в них не принял⁴⁸. И 7 фрюктидора (24 августа) Национальный Конвент проголосовал за декрет, реорганизовавший власть в Республике и названный Матъезом «Конституцией термидорианского режима»⁴⁹.

Вместо 12 было создано 16 комитетов. Полномочия Комитета общественного спасения были в основном ограничены внешней политикой, вопросами обороны страны, а также руководством гражданской администрацией. Он лишился права арестовывать гражданских чиновников без согласия Комитета общей безопасности, за которым оставался полицейский надзор. Все комитеты должны были обновляться на четверть каждый месяц, но только эти два путем поименного голосования. Надзор же за гражданской администрацией и судебными органами передавался в руки Комитета по законодательству, который тем самым входил в тройку самых важных комитетов Конвента.

Эта реформа явно показала, что оставшиеся члены Великих комитетов окончательно утратили возможность подчинять депутатов своей воле, чем не преминули воспользоваться их противники. 9 фрюктидора II года (26 августа 1794 г.) был опубликован памфлет, ставший своеобразным символом Термидора. Назывался он «Охвостье Робеспьера, или Опасности свободы печати»⁵⁰. Автором его значился некий Фетемеси (*Fethemési*). Под этим псевдонимом скрывался Жан-Клод Мее де ля Туш (*Méhée de la Touche*), входивший в окружение Тальена⁵¹. Памфлет в считанные дни стал феноменально популярным и породил множество подражаний, а выражение «охвостье Робеспьера» появилось у всех на устах.

11 фрюктидора Лекуантр потребовал, чтобы на следующий день Конвент выслушал его обвинения против Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера, Вадье, Вулана, Амара и Давида⁵². На том же заседании Тальен произнес программную речь о системе Тер-

⁴⁷ Ibid. P. 492-494.

⁴⁸ Moniteur. Vol. 21. P. 657-662.

⁴⁹ Mathiez A. Op. cit. P. 81.

⁵⁰ La queue de Robespierre, ou Les dangers de la liberté de la presse. Paris, 9 fructidor, an II de la République.

⁵¹ Подробнее о нем см.: Lutaud O. Révolutions d'Angleterre et la Révolution française. La Haye, 1973. Ch. Septembriseur, jacobin, voyageur, espion : Méhée de la Touche.

⁵² Moniteur. Vol. 21. P. 610.

рора⁵³, в начале которой заявил: «Тень Робеспьера все еще лежит на земле республики». Наконец 12 фрюктидора, скорее всего, по инициативе того же Тальена и Фрерона⁵⁴, Лекуантр произнес обещанную обвинительную речь против семи членов Комитетов⁵⁵, вызвавшую бурную дискуссию. Он попытался убедить коллег, что эти семеро несут личную ответственность и за Террор, и за то, что помогали Робеспьеру угнетать Конвент. Сразу после переворота такие обвинения вели к немедленному аресту, однако Лекуантр просчитался: если деятельность отдельных депутатов еще можно было представить как «эксцессы» и исключение из правил, то здесь речь шла уже о самой системе временного революционного правительства. Монтаньяр Ж.-М. Гужон заявил:

«Когда обвиняют систему Террора, при помощи громких фраз ее хотят распространить на весь Конвент, используя слово “робеспьеристы” или расплывчатое выражение “негодяи сообщники Робеспьера”, которые остаются неназванными. <...> Да, это обвинения против Конвента, это французский народ предстает перед судом, поскольку он терпел тиранию бесчестного Робеспьера»⁵⁶.

В итоге Конвент отверг обвинения против членов Комитетов, но отныне стало понятно, что они не могут чувствовать себя в безопасности.

Развязка наступила 15 фрюктидора (1 сентября), когда было объявлено, что по жребию из Комитета общественного спасения выбыли Карно, Ленде и Барер, а Колло и Бийо сами попросили об отставке. Барер вспоминал:

«Старые члены Комитета остались на своих постах и работали вместе с теми, кто был к ним добавлен. Однако было чрезвычайно трудно добиться, чтобы такие разные принципы как созидательная деятельность (*action*) и реакция (*réaction*), свобода и рабство, стремление исправить причиненное зло и навязчивое стремление отомстить могли сосуществовать, позволить двум партиям достичь согласия и координировать усилия»⁵⁷.

⁵³ Ibid. P. 612-615. Подробный разбор этой речи см. в: Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и революция. М., 2006. С. 80-84.

⁵⁴ Бачко Б. Указ. соч. С. 86-87.

⁵⁵ Moniteur. Vol. 21. P. 620-621.

⁵⁶ Ibid. P. 622.

⁵⁷ Mémoires de B. Barère... Vol. 2. P. 246.

По его словам, он сам подал в отставку, зная, что многие коллеги завидуют его популярности⁵⁸. Колло же объяснил их с Бийо отставку, с одной стороны, мнением Конвента об опасности для свободы долгого пребывания в составе Комитета общественного спасения, а с другой, тем, что Конвент настроен резко сократить полномочия этого Комитета⁵⁹. Поскольку трое членов Комитета подали в отставку добровольно, Карно и Ленде остались в его составе. В тот же день Вадье, Вулан и Лакост вышли из Комитета общей безопасности, а через месяц за ними последовал и Амар.

Иными словами, не прошло и двух с небольшим месяцев, как члены правительственных комитетов, обеспечившие успех переворота 9 термидора, лишились власти. В истории Французской революции это абсолютно уникальный случай, поскольку лишились они ее не в результате насильственных действий, а исключительно под давлением других депутатов и почти без сопротивления. Барер в «Мемуарах» интерпретировал это следующим образом:

«9 термидора подорвало дух Революции. Отныне власть принадлежала тому, кто первый ей завладеет. Самой храброй партией оказалась та, которую больше всего подавляли – роялисты-жирондисты. К жирондистам присоединилось Болото, всегда готовое встать на сторону сильнейшего. Желаящие отомстить депутаты-реакционеры также рассчитывали на своих сторонников из числа депутатов в миссиях, которые злоупотребляли своими полномочиями и разворовывали казну в департаментах. Эти люди могли почувствовать себя в безопасности лишь объединившись с жирондистами, которых раньше сами же и подавляли. Благодаря этой коалиции они даже вошли в полностью обновленные комитеты и смогли избавиться от компрометирующей их переписки»⁶⁰.

Иными словами, Барер предлагал объяснение, лежавшее на поверхности: его коллеги стали жертвами политической борьбы. Однако принять эту версию мешает то, что, в отличие от 1792-1794 гг., при Термидоре в Конвенте не было более или менее явно выраженных группировок. Хотя большинство современников и историков выделяли в нем множество, как тогда говорили, «факций» (*factions*), ни их названия, ни имена депутатов, которые якобы в эти «факции» входили, ни коим образом не сводятся к единому

⁵⁸ Ibid. P. 247.

⁵⁹ Moniteur. Vol. 21. P. 656.

⁶⁰ Mémoires de B. Barère... Vol. 2. P. 236.

знаменателю⁶¹. Монтаньяр Р. Левассёр, сохранивший верность былым убеждениям и пострадавший за них в жерминале, отмечал в «Мемуарах», что называет «партиями» различные «оттенки в образе мыслей» (*nuances d'opinion*)⁶², причем у отдельных людей этот образ мыслей мог быстро меняться. С его точки зрения, изначально все депутаты радовались освобождению от «тирании», и лишь затем их пути разошлись. Визуальным воплощением этого расхождения и стала, как мне видится, утрата власти членами Комитетов общественного спасения и общей безопасности.

Тому было несколько причин. Первая и, возможно, самая главная – сохранение в руководстве страны тех же людей, что и при Робеспьере. Важность участия в заговоре членов Великих комитетов (или, если говорить более осторожно, поддержку ими заговора, поскольку неизвестно, кто и в какой мере был его участником) трудно переоценить. Они занимали 9 термидора два ключевых поста – председателя Конвента и председателя Якобинского клуба. Они же обеспечили безболезненный транзит власти от робеспьеристов к тем, кого стали называть термидорианцами. Однако «триумвиры» в устах Тальена не случайно легко превратились в «децемвиров». При всех разговорах о «диктатуре» робеспьеристов не просто найти постановление Комитета общественного спасения, которое было бы подписано только ими. При всех разногласиях внутри Комитета он все же проводил согласованную политику. Но, даже если бы это было не так, у термидорианцев не было ни единой причины оставлять Барера и его коллег у власти. Те, кто набрал политические очки в ходе переворота, стремились конвертировать их во что-то более осязаемое. По этой же причине, на мой, взгляд, не был переименован Комитет общественного спасения и не были принципиально урезаны его полномочия: нет никакого смысла вместо реальной власти получить лишь ее тень.

Другой причиной стал Террор. Переворот 9 термидора во многом был вызван постоянным страхом перед репрессиями, защитой от которых не служили ни популярность, ни репутация, ни преданность Революции. Казнить могли даже члена Комитета общественного спасения и автора Конституции, как это случилось с Эро де Сешелем. Пример Дантона также был у всех перед глазами. В этом, кстати, заключался один из многочисленных парадок-

⁶¹ Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. С. 49-63.

⁶² *Levasseur R. Mémoires de R. Levasseur (de la Sarthe), ex-conventionnel. P., 1989. P. 548.*

сов Термидора. Робеспьера свергли из-за страха перед Террором, но Колло д'Эрбуа, Вадье и Амар были куда большими, как тогда говорили, «террористами», чем сам Робеспьер.

Э.-Б. Куртуа, некогда близкий к дантонистам, а при Термидоре ставший одним из главных изобличителей робеспьеристов, вспоминал:

«Барер, Вадье, Вулан, Амар и другие обычно собирались в Клиши-ла-Гаренн, в доме, принадлежавшем гр. Ленуару, архитектору. Именно в этом доме они обсуждали самые важные вещи, касающиеся их партии. Именно здесь подписывались проскрипционные списки»⁶³.

Иными словами, те обвинения, которые бросили в лицо Робеспьеру и его соратникам 9 термидора, можно было бы с тем же успехом предъявить и другим членам правительственных комитетов.

Безусловно, их можно было бы при желании предъявить и весьма значительному числу депутатов Конвента. Это спровоцировало длительные дебаты, проанализированные известным историком Брониславом Бачко в его классической работе о Термидоре⁶⁴. «На кого можно возложить ответственность за Террор, не провоцируя при этом отмщение тем, кто проводил его в жизнь?»⁶⁵ – вот вопрос, ответ на который депутаты искали на протяжении всей второй половины 1794 г. И самыми удобными кандидатурами здесь, безусловно, были члены Великих комитетов.

Это стало понятно уже 15 термидора (2 августа), когда депутаты отправили под арест «палача Арраса» Ж. Лебона. Пытаясь оправдаться, тот сначала похвастался «правильным» поведением после получения новостей о перевороте, затем попытался объяснить, что, когда спасаешь родину, нет времени обращать внимание на клевету. Когда же ни то, ни другое на коллег не подействовало, Лебон заявил:

«Есть огромная разница между Робеспьером, который работал на себя, и тем, кто лишь исполнял ваши декреты и постановления Комитета общественного спасения. <...> Меня упрекают в том, что я основал революционный трибунал [в Аррасе], тогда как это Комитет общественного спасения его основал и сохранял его...»⁶⁶

⁶³ *Robinet (Docteur)*. Op. cit. P. 936.

⁶⁴ *Бачко Б.* Указ. соч.

⁶⁵ Там же. С. 72.

⁶⁶ *Moniteur*. Vol. 21. P. 376.

Его слова не прошли незамеченными. Один из депутатов сразу же предложил, чтобы Комитет общественного спасения был отстранен от дела Лебона. Другой же добавил: «Лебон заявляет, что лишь исполнял приказы Комитета общественного спасения. Что ж, тогда у него есть сообщники»⁶⁷.

На том же заседании был принят декрет и об аресте Давида, которого наверняка арестовали бы еще 9 термидора как робеспьериста, если бы накануне Барер не посоветовал ему пропустить заседание Конвента.

Третьей причиной стало стремление к переменам и, в итоге, к завершению Революции. Поскольку переворот 9 термидора был во многом спонтанным, никакого заранее продуманного плана преобразований у депутатов не было. Тем не менее, в течение второй половины 1794 г. стало вырисовываться общее направление реформ: уничтожение машины Террора (прежде всего, для обеспечения личной безопасности депутатов) и отмена наиболее одиозных решений времен диктатуры монтаньяров. В комплексе это ставило под вопрос всю ту систему, которая методом проб и ошибок была выстроена после 31 мая – 2 июня: Комитеты общественного спасения и общей безопасности как центр принятия политических решений, опора на революционные комитеты и народные общества на местах, Якобинский клуб как связующее звено между Парижем и провинцией и одновременно инструмент, предоставляющий Конвенту обратную связь и позволяющий донести до депутатов, пусть и со всеми неизбежными искажениями, «народные чаяния», то есть умонастроения сторонников Революции. Дополнительную устойчивость этой системе придавали Террор, жесткое государственное регулирование экономики и отсутствие политических свобод, собственно, и позволившие монтаньярам, которые даже в лучшие для себя времена составляли не более пятой части Конвента, удерживать власть.

Как только все это здание стало рассыпаться, вопрос о том, что делать дальше, все быстрее начал переходить из теоретической в практическую плоскость. Не прошло и месяца после переворота, как стало понятно, что лозунг: «Все будет как раньше, но только без Робеспьера и его соратников» привлекает очень незначительную часть депутатов. Остальные же хотели завершения Революции: одни на базе Конституции 1793 года, другие – на со-

⁶⁷ Ibid. P. 377.

вершенно новом фундаменте, который еще только предстояло заложить. Но для этого требовалось снести все то, что было построено ранее.

Разрушение системы диктатуры монтаньяров шло сразу по всем направлениям, и отчеты о заседаниях Национального Конвента позволяют посмотреть, кто из депутатов стал основным инициатором этого процесса.

Если рассмотреть решения, демонтирующие машину Террора, то выяснится, что реформы начали отнюдь не члены Комитетов, а те депутаты, которые надеялись прийти к власти вместо них. Так, декрет, позволявший арестовывать депутатов, не дав им выступить перед Конвентом, 13 термидора предложил отменить П.-Л. Бен-таболь⁶⁸, некогда хвалившийся тем, что его называли «Маратом-младшим», а теперь считавшийся умеренным. Декрет от 22 прериала был отменен 14 термидора по предложению Лекуантра⁶⁹.

18 термидора (5 августа) был принят ряд мер, призванных вернуть репрессии в рамки закона. Их предложили Ф.-Л. Бурдон (из Уазы), активный участник переворота 9 термидора, К. Ж.-Э. Госсюэн, объявивший в свое время о принятии Конституции 1793 года, и Ж. Бассаль, считавшийся на фоне других монтаньяров вполне умеренным. 23 термидора с инициативой реорганизовать Революционный трибунал выступил Ф.-А. Мерлен (из Дуэ) – опытный юрист, не участвовавший в перевороте, но ставший одним из лидеров Конвента. Состав трибунала был сокращен, его полномочия существенно уменьшили: отныне его суду подлежала лишь большая часть преступлений с контрреволюционными намерениями. Обвиняемые вновь получили право на защиту. Иными словами, во многом вернулись к тому положению, в котором трибунал находился до принятия закона от 22 прериала⁷⁰. 8 нивоза (28 декабря) по докладу того же Мерлена (из Дуэ) Революционный трибунал подвергся очередной реорганизации, в частности, было принято решение каждые три месяца полностью обновлять его состав⁷¹. Окончательно же история Революционного трибунала закончилась 12 прериала III года (31 мая 1795 г.). По докладу Ж.-Ш. Порше от имени Комитета по законодательству он был упразднен как слишком одиозное уч-

⁶⁸ Moniteur. Vol. 21. P. 367.

⁶⁹ Ibid. P. 368.

⁷⁰ Moniteur. Vol. 21. P. 447.

⁷¹ Moniteur. Vol. 23. P. 77.

реждение, а его полномочия переданы департаментским уголовным судам⁷².

7 фрюктидора II года (24 августа 1794 г.) была полностью реформирована система революционных комитетов, служивших главным инструментом реализации Закона о подозрительных. Их количество было существенно сокращено, состав оставшихся обновлен, а сфера деятельности ограничена и поставлена в жесткие юридические рамки. Эта реформа уничтожала один из главных механизмов Террора и оставляла без работы и без защиты множество его проводников на местах. От имени Комитета общей безопасности доклад делал Ж.-Ф.-М. Гупийо (де Фонтене) (*Goupilleau de Fontenay*), ставший членом Комитета сразу после 9 термидора⁷³.

Несколько реформ касались Парижа. Уже робеспьеристы сделали все, чтобы лишить и город в целом, и секции самостоятельности с целью не допустить вмешательства парижан в деятельность центральной власти, как это было и 10 августа 1792 г., и 31 мая – 2 июня 1793 г. После 9 термидора столица оказалась обезглавлена в прямом смысле слова: мэр, Ж.Б.Э. Леско-Флерио и национальный агент К.-Ф. Пейян были казнены 10 термидора, 91 член Коммуны Парижа взойшли на эшафот 10-12 термидора, 40 были арестованы и лишь 13 оставались на свободе⁷⁴. Нового мэра решили не назначать. 4 фрюктидора (21 августа) Национальный Конвент принял два важных решения, целью которых было существенное уменьшение активности парижских секций. Бурдон (из Уазы) предложил отменить вознаграждение в 40 су, которое выплачивалось беднякам за участие в заседаниях секций. Камбон – чтобы секции собирались лишь один раз в декаду⁷⁵. 14 фрюктидора (31 августа) по докладу Мерлена (из Дуэ) система управления городом была полностью реорганизована и поставлена под контроль Конвента, Коммуна Парижа фактически перестала существовать⁷⁶.

Из экономических реформ самой важной была, пожалуй, отмена максимума. Это предложение внес 2 нивоза III года (22 декабря 1794 г.) от имени четырех комитетов Конвента М.-А.-А. Жиро (*Giraud*), член Комитета по сельскому хозяйству⁷⁷. Дискуссия,

⁷² *Moniteur*. P., 1842. Vol. 24. P. 594-596.

⁷³ *Moniteur*. Vol. 21. P. 581-583.

⁷⁴ *Ducoudray E. Commune de Paris / Département de Paris // Dictionnaire historique de la Révolution française / Sous la dir. d'A. Soboul*. P., 1989. P. 271.

⁷⁵ *Moniteur*. Vol. 21. P. 555-557.

⁷⁶ *Moniteur*. Vol. 21. P. 647.

⁷⁷ *Moniteur*. P., 1842. Vol. 23. P. 39-40.

впрочем, довольно спокойная продолжалась два дня, 4 нивоза декрет был принят.

Две принципиальные реформы касались идеологии. Требование вернуть свободу печати прозвучало в Конвенте еще 21 термидора (8 августа), этот вопрос непрерывно поднимался и в Якобинском клубе. Перефразируя Дантона, Тальен в Якобинском клубе даже провозгласил: «Свобода печати или смерть!»⁷⁸. 9 фрюктидора (26 августа) пространную речь в Национальном Конвенте с требованием свободы печати⁷⁹ произнес Фрерон. Однако предлагаемое им провозглашение полной свободы печати так и не было одобрено коллегами⁸⁰: с одной стороны, ее гарантировала Декларация прав, с другой, – никто не смог предложить такую систему, при которой этой свободой не воспользовались бы роялисты. Тем не менее, все запреты эпохи монтаньяров в области печати фактически перестали действовать, хотя никаких официальных решений и не было принято. А вот свободу вероисповедания Конвент все же провозгласил, хотя и полгода спустя. Это произошло 3 вандоза III года (21 февраля 1795 г.) по итогам обширного доклада Ф.-А. Буасси д'Англа, сидевшего на скамьях Равнины⁸¹.

Многие преобразования не проходили безболезненно. Они вызвали ожесточенные дискуссии, в которых наглядно проявлялось противостояние между монтаньярами, которые готовы были свергнуть Робеспьера, но не хотели кардинальной перестройки существовавшей при нем системы, и теми депутатами, которые теперь стремились взять реванш. Одним из главных инструментов диктатуры монтаньяров считалась сеть народных обществ, представлявших значительную силу. Весной II года Республики в стране было более 5300 народных обществ. Они существовали в 13 % коммун Франции, в столицах 88 департаментов, 98 % центральных городов дистриктов⁸². Удар по ним был нанесен 25 вандемьера III года (16 октября 1794 г.). По предложению Ж.-Ф.-Б. Дельма, помогавшего П. Баррасу командовать войсками 9 термидора, был принят декрет, запрещающий любые объединения народных обществ, переписку между ними, коллективные петиции и требовавший немед-

⁷⁸ La Société des Jacobins. Vol. 6. P. 355. Séance du 1 fructidor an II.

⁷⁹ Moniteur. Vol. 21. P. 601-605.

⁸⁰ Подробнее об этих дискуссиях см.: Бачко Б. Указ. соч. С. 115-133.

⁸¹ Moniteur. Vol. 23. P. 523-528.

⁸² *Boutier J., Boutry Ph.* Les sociétés politiques en France de 1789 à l'an III : « une machine » ? // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Janvier-mars 1989. T. 36. N 1. P. 36.

ленно составить списки членов народных обществ. Председатели и секретари обществ, подписавшие такие письма и петиции, подлежали аресту⁸³. Ряду депутатов эта идея показалась возмутительной, докладчику напомнили о многочисленных услугах, которые оказали народные общества делу Революции, как и о том, что редкий депутат Конвента не входил ни в одно из них. Тем не менее, декрет был принят под бурные аплодисменты большинства депутатов⁸⁴.

Споры возобновились с новой силой 20 брюмера III года (10 ноября 1794 г.), когда столкновения накануне между якобинцами и, как тогда говорили, «людьми из Пале-Рояля» вынудили вмешаться членов сразу четырех комитетов Национального Конвента. Поскольку Клуб находился в двух шагах от зала заседаний, многие депутаты что-то видели или что-то слышали. Споры о том, противопоставляют ли себя якобинцы Конвенту, достигли высочайшего накала, депутаты не давали друг другу говорить и осыпали коллег оскорблениями⁸⁵. От Комитетов выступал Ж.-Ф. Ребель, вступивший в Клуб еще в свою бытность депутатом Учредительного собрания. Однако его предложение приостановить до особого распоряжения заседания Якобинского клуба не прошло, вопрос решили отложить. 22 брюмера доклад от имени Комитетов сделал Ж.-Ф. Лэнъело, активно проводивший при монтаньярах политику террора и дехристианизацию на западе Франции. Стоило ему напомнить, что 9 термидора якобинцы поддержали Робеспьера, как вопрос был решен, и Конвент принял решение заседания Клуба прервать, а зал – закрыть⁸⁶. В мае 1795 г. помещение Клуба было превращено в «Рынок 9 термидора», а в начале XIX в. монастырь был снесен.

Таким образом, ни один из членов Великих комитетов не стал инициатором важнейших преобразований, проведенных при Термидоре. Это закономерно, если учесть их стремление по минимуму менять что-то в системе, созданной, по сути, ими самими, однако довольно парадоксально, исходя из того стремления к отказу от старых политических практик, которое не раз демонстрировалось и в речах их коллег, и в многочисленных письмах в Конвент, и в прессе.

Депутаты же, которые реформы предлагали, очень четко делятся на две группы. Одна из них – те, кто стремился занять во

⁸³ AP. P., 1995. T. 99. P. 215.

⁸⁴ Moniteur. P., 1842. Vol. 22. P. 255-260.

⁸⁵ Moniteur. Vol. 22. P. 473ss.

⁸⁶ Ibid. P. 489-490.

власти место лидеров диктатуры монтаньяров. И им это в полной мере удалось. Мерлен (из Дуэ) трижды был избран в Комитет общественного спасения, в него входили также Буасси д'Англа и Дельма. Бентаболь, Бурдон (из Уазы) стали при Термидоре членами Комитета общей безопасности. Ребель побывал членом сначала одного, а потом и другого Комитета. При Директории Бентаболь, Буасси д'Англа, Бурдон, Гупийо, Жиро, Мерлен (из Дуэ), Порше, Ребель станут депутатами Законодательного корпуса, а Мерлен и Ребель – еще и Директорами. Из этого ряда выпадает только Фрерон, который очень хотел получить власть, но так и не смог этого сделать, будучи слишком одиозной фигурой.

Другая группа – те, кто оставался монтаньярами, но не поддерживал при этом ни Робеспьера, ни его соратников. Лекуантр и Камбон не получили никаких дивидендов, поскольку совершили ошибку, поддержав восстание в жерминале, Госсюэн и Лэньело – в прериале, Бассаль – из-за того, что и в III году Республики оставался верен Горе.

Характерно, однако, что политическую ориентации этих депутатов мы можем определить только по их биографиям, но не по предлагаемым мерам. Так, к примеру, и остановить репрессии, и ограничить права секций предлагали депутаты как из одной, так и из другой группы.

Все это, разумеется, не означало, что члены Великих комитетов в принципе не выступали ни за какие реформы – ситуация была значительно сложнее. Прежде всего, авторитет членов Великих комитетов во многом опирался на популярность Робеспьера, Сен-Жюста, Барера в народе. Термидорианцы прекрасно понимали, что в тот момент, когда определяются новые лидеры Национального Конвента, известность приобретут те, кто предложит реформы, в наибольшей степени отвечающие ожиданиям общества. И много лет спустя Барер помнил, что А. Дюмон⁸⁷ и Тальен, среди прочих, не хотели, чтобы он «сделал доклад об уничтожении следов революционного порядка управления. Словно рука, которая нанесла рану, не может ее исцелить!»⁸⁸

Однако едва ли не более важно иное: разрыв между этими ожиданиями и тем, что были готовы предложить Барер и его коллеги. Сохранению власти противопоказаны резкие изменения курса.

⁸⁷ Депутат, присоединившийся к заговорщикам после ареста своего брата и стремившийся отомстить членам Великих комитетов.

⁸⁸ *Mémoires de B. Barère...* P., 1842. Vol. 2. P. 241.

В «Мемуарах» Барер отмечает: он стремился добиться принятия мер, направленных на смягчение [режима] и согласие, однако не прошло и восьми дней, как многие члены Комитета посчитали, что необходимо сразу же открыть все тюрьмы, ввести в действие Конституцию и отменить чрезвычайные законы»⁸⁹. Он, разумеется, оценивал это как бездумный популизм, однако со стороны ситуация виделась иначе: члены правительственных комитетов все меньше соответствовали требованиям момента и все хуже их чувствовали. 11 термидора Лакост предложил упразднить Революционный трибунал, но лишь для того, чтобы очистить его от робеспьеристов, поскольку взамен он выступил за создание временной комиссии с теми же полномочиями⁹⁰. Когда в тот же день Бийо-Варенн возмущался приостановлением работы Революционного трибунала, заявляя, что в нем есть и «чистые люди», и к тому же трибунал совершенно необходим, чтобы покарать робеспьеристов⁹¹, он был абсолютно прав и в том, и в другом, однако это оказались совершенно не те слова, которые люди ожидали услышать.

То, что члены Великих комитетов не готовы были выступить инициаторами отказа от системы Террора, может вызвать удивление. На мой взгляд, главное объяснение пассивности правительства в этом вопросе заключается в том, что сохранение Террора казалось им стратегически верным. Это был слишком удобный инструмент – и для удержания власти, и для борьбы с врагами, – чтобы добровольно его лишиться. Привыкнув мыслить категориями «роялистских заговоров» и борьбы с «врагами народа», они посчитали, что депутатам достаточно будет того, что их собственная безопасность окажется гарантирована (что и было сделано 13 термидора). Хотя 14 термидора Барер заявил с трибуны Конвента: «Террор всегда был орудием деспотизма, правосудие же – орудие свободы»⁹², переворот мыслился как окончание диктатуры Робеспьера, а не диктатуры Комитетов. То, что стратегически верное решение оказалось неверным тактически, стало понятно значительно позже.

Иными словами, привыкнув формировать и направлять общественное мнение, члены Великих комитетов оказались не способны вовремя понять, что ситуация изменилась. В «Мемуарах»

⁸⁹ Ibid. P. 240.

⁹⁰ Moniteur. Vol. 21. P. 355. Как только трибунал будет реорганизован, 23 термидора Лакост потребует, чтобы тот немедленно начал работать. – Ibid. P. 448.

⁹¹ Moniteur. Vol. 21. P. 356.

⁹² Moniteur. Vol. 21. P. 369.

Левассёра есть на этот счет любопытное наблюдение: после Термидора изначально народ оставался «монтаньярским», хотя его революционная энергия и начала иссякать, а вот «высшие классы» (*les classes élevées*), пострадавшие от «революционной анархии», выступали за ее окончание. Термидорианцы, по его мнению, победили именно потому, что, «крайне настроенные извлечь для себя выгоду из падения Робеспьера, они изучали общественное мнение, чтобы ему следовать и встать во главе доминирующей партии»⁹³. Если сначала термидорианцы шли за народом, поместили Марата в Пантеон и активно опирались на Якобинский клуб, то вскоре они сделали ставку на умеренность и победили.

Правительство же, привыкнув быть незаменимым в прямом и переносном смысле, не осознало, что эта незаменимость была следствием не деловых качеств членов комитетов и не успешности их работы, а того страха, который внушали Робеспьер и система Террора. Оно до последнего испытывало иллюзии, что политика, которую проводили вместе с робеспьеристами, правильна и эффективна, а потому нуждается лишь в незначительных корректировках, тогда как отказ от нее станет для Революции гибельным. «Всеобщую» поддержку переворота оно приняло за чистую монету, а аплодисменты коллег – за одобрение своих планов остаться у власти. Все эти просчеты и оказались для него фатальными.

REFERENCES

- Бачко Б.* Как выйти из террора? Термидор и революция. М.: BALTRUS, 2006 [Baczko B. Как vyjti iz terrora? Termidor i revoljucija. М.: BALTRUS, 2006].
- Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М.: Издательство Московского университета, 2005 [Bovykin D.Ju. Revoljucija okonchena? Itogi Termidora. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2005].
- Archives parlementaires de 1787 à 1860. 1ère série (1787-1799). Paris : CNRS éditions. 1985. Т. 94. 1995. Т. 99.
- Biard M.* Collot d'Herbois. Légendes noires et Révolution. Lyon : Presses universitaires de Lyon, 2019.
- Boutier J., Boutry Ph.* Les sociétés politiques en France de 1789 à l'an III : « une machine » ? // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Janvier-mars 1989. Т. 36. N 1. P. 29-67.

⁹³ *Levasseur R.* Op. cit. P. 549.

- Ducoudray E.* Commune de Paris / Département de Paris // Dictionnaire historique de la Révolution française / Sous la dir. d'A. Soboul. Paris : Presse universitaire de France, 1989. P. 265-271.
- Kuscinski A.* Dictionnaire des conventionnels. Brueil-en-Vexin : Editions du Vexin Français, 1973.
- Lamartin A. de.* Histoire de Girondins. Bruxelles : Meline, Cans et Compagnie, 1847. Vol. 6.
- La Société des Jacobins : recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris par F.-A. Aulard. Paris : Maison Quantin, 1897. Vol. 6.
- Lecointre L.* Conjuration formée dès le 5 préréal par neuf représentants du peuple contre Maximilien Robespierre pour le poignarder en plein Sénat. S.l. : De l'Imprimerie de Rougyff, s.d. [1795]
- Levasseur R.* Mémoires de R. Levasseur (de la Sarthe), ex-conventionnel. Paris : Messidor, 1989.
- Lutaud O.* Révolutions d'Angleterre et la Révolution française. La Haye : Martinus Nijhoff, 1973.
- Mathiez A.* La réaction thermidorienne. Paris: La fabrique éditions, 2010.
- Mémoires de B. Barère, membre de la Constituante, de la Convention, du Comité de Salut public et de la Chambre des représentants. Paris : Jules Labitte, 1842. Vol. 1-2.
- Mémoires sur Carnot par son fils. P : Pagnerre, 1861. Vol. 1.
- Pouchet G.* Les sciences pendant la terreur. Paris: Au siège de la société, 1896.
- Palmer R.R.* Twelve who ruled. The Year of the Terror in the French Revolution. Princeton : Princeton University Press, 1973.
- Réimpression de l'ancien Moniteur. Paris : Au bureau central, 1841-1842. Vol. 21-24.
- Robinet (Docteur).* Notes et souvenirs de Courtois de l'Aube // La Révolution française. Janvier-juin 1887. T. 12. P. 806-820, 922-942, 998-1020.